

*А. В. Маковский. Портрет обер-прокурора Синода
Константина Петровича Победоносцева.
1899 г.*

Константин Петрович
Победоносцев

ВЕЛИЧИЕ
САМОДЕРЖАВНОЙ
ВЛАСТИ

Иллюстрированное издание

Москва
2024

УДК 321.61(47)
ББК 66.1(2)
П41

Победоносцев, Константин Петрович.
П41 Величие самодержавной власти / Константин Победоносцев. — Москва : Эксмо, 2024. — 576 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-207751-7

Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), обер-прокурор Священного Синода, был одной из самых значимых фигур в политической и общественной жизни Российской империи второй половины XIX — начала XX века. Перед ним преклонялись, его благословляли, превозносили и столь же страстно ненавидели. Одни в нем видели ангела-спасителя России, другие — ее злого гения. Победоносцеву выпала редкая для человека судьба — стать символом целой эпохи своей страны, тех поистине роковых десятилетий, которые определили судьбу России на все последующее столетие: эпохи императора Александра III и первой половины царствования Николая II.

Твердый и неуклонный защитник нерушимого союза самодержавия и Церкви, блестящий публицист, тонкий полемист, человек, обладавший недюжинной харизмой, волей и великой силой убеждения, — таким был К. П. Победоносцев. Он ничего не пускал на самотек, все держал в поле своего неусыпного внимания, вплоть до того, что лично следил за репертуаром театров, выставок, работой библиотек и народных читален. Победоносцев считал себя лично ответственным за Российскую империю, а страну — собственным достоянием.

Интеллектуальное наследие К. П. Победоносцева поистине огромно. Самые яркие его работы, с некоторыми из которых современный читатель познакомится впервые, составили это подарочное издание. Книга сопровождается богатым иллюстративным материалом — он с документальной точностью явит представленную эпоху не только в словах ее главных действующих лиц, но и в зримых, часто в навсегда утраченных образах.

УДК 321.61(47)
ББК 66.1(2)

ISBN 978-5-04-207751-7

© Текст, комментарии, иллюстрации, макет. Fortune Triumph Ltd, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Эта книга, представляющая современному читателю наследие выдающегося русского общественного деятеля и публициста Константина Петровича Победоносцева (1827–1907), построена на принципе обратной перспективы — от зенита государственной карьеры Победоносцева до начала его служения стране и самодержавию. Такое построение издания не случайно.

Открывается книга наиболее значительным сочинением, главным публицистическим трудом Победоносцева — «Московским сборником». Впервые сборник увидел свет в 1896 году, а к 1901 году выдержал пять изданий и был переведен на несколько европейских языков. К моменту публикации автор достиг апогея своей славы. Победоносцев уже на протяжении четверти столетия занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода, его влияние на идеологическую политику Российской империи было не просто велико — оно было всеобъемлющим, отнюдь не ограничиваясь религиозными вопросами.

Выход «Московского сборника» главного консерватора России, которого к тому времени называли и «великим инквизитором», и «российским Торквемадой», и «некоронованным властителем России», привлек всеобщее внимание как одна из немногих попыток властей разъяснить философские, идейные и даже нравственные основы самодержавия, подвести твердую идеологическую базу под политический строй империи. Здесь были помещены статьи, посвященные самым острым вопросам того времени: взаимоотношению церкви и государства, народному просвещению, юриспруденции, печати, религии, свободы, морали, а также другим насущным проблемам современного Победоносцеву общества в целом.

В сборнике последовательно разоблачалась «великая ложь нашего времени» о демократии и пророчески предсказаны последствия «русских смут», которые мечтают затеять «наиболее честолюбивые и нахальные» (по авторскому определению) люди в своих корыстных целях. Вся совокупность утверждающихся на Западе новейших политических принципов — демократии, секуляризма, плюрализма, введения или расширения избирательного права — окончательно подрывает, с точки зрения Победоносцева, стабильность европейских держав и ведет их к гибели. Единственной опорой общественного порядка, с точки зрения автора, может быть лишь исторически сложившаяся государственность, унаследованная от предков, имеющая божественную санкцию и не зависящая от воли случайных людей, — и это самодержавие.

Именно самодержавие, считал Победоносцев, является силой, которая способна в равной степени обеспечить благоденствие всех слоев общества, ибо царская власть, в отличие от сиюминутных и зачастую корыстных интересов выборных управляющих органов, — это прежде всего огромная личная ответственность царя перед Богом, непрерывное служение своему народу, «а потому, в сущности, дело самопожертвования».

Победоносцеву выпала редкая в истории судьба — стать символом целой эпохи своей страны. Причем эпохи роковой, которая определила судьбу России на все последующее столетие: эпохи императора Александра III и первой половины царствования Николая II. Победоносцев считал себя ответственным за Российскую империю, а страну — собственным достоянием.

В период правления императора Александра III власть пыталась создать новый образ монархии и выдвинуть общенациональные идеалы, с помощью которых можно было бы сплотить разнородные социальные элементы под эгидой самодержавия. Эти идейные поиски были связаны прежде всего с именем Победоносцева. Именно он стал главным идеологом царствования Александра III.

Государь очень высоко ценил ум своего советника, его образованность, твердость убеждений и всегда прислушивался к его советам. «Хотя, — вспоминал А. Ф. Кони, — Победоносцев не кичился и не рисовался своим влиянием, все немедленно почувствовали, что это "действительный тайный советник" и не только по чину». Влияние Победоносцева было вызвано не превосходством его воли — Александр III был сильным человеком, не склонным попадать под чье-либо влияние. Но император всегда хотел простых объяснений причин неурядиц пореформенной России и столь же простых рецептов их искоренения.

В этом смысле Победоносцев оказался идеальным советником — он всегда выражал то, что уже созрело в душе и уме императора. Он словно был его внутренним голосом. «Это правда, странно, как мы сходимся мыслью», — не раз удивлялся император, отвечая на послание обер-прокурора. Победоносцев сделался вдохновителем всей политики Александра III. «Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбита с толку, — писал обер-прокурор Священного Синода императору, — жаждающая, чтобы ее повели твердой рукой, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никогда.»

Острым взглядом Победоносцев следил за каждым движением кормила власти, все заме-

чал, оценивал и вмешивался не только в дела всех министерств и всех департаментов, но строго наблюдал за поведением самого царя и царицы. По каждому вопросу у него имелось свое мнение, свои оценки, которые он излагал в многочисленных письмах к государю императору. Так что публикация в нашем издании писем Победоносцеву к императору Александру III — важная часть для понимания этой сложной эпохи.

Завершает наше издание истинная библиографическая редкость — «Путешествие государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма», которую Победоносцев, сопровождавший цесаревича в обязательной для наследника престола поездке по стране, написал в соавторстве с другим наставником наследника — экономистом Иваном Кондратьевичем Бабстом.

С 1861 года и вплоть до скорострительной смерти цесаревича Николая Александровича в 1865 году Победоносцев преподавал наследнику престола законоведение. Надо отметить, что в те же годы Победоносцев обучал законоведению великого князя Александра Александровича (с 1881 года — император Александр III) и его супругу Марию Федоровну, а также великих князей Владимира Александровича и Сергея Александровича, и в 1880-х гг. — цесаревича Николая Александровича (с 1894 года — император Николай II).

В этих письмах о путешествии государя наследника по России уже начали просматриваться очертания системы, позднее составившей основу мировоззрения Победоносцева, краеугольным камнем которого стало убеждение, что «простой народ» настолько беззаветно предан самодержавию, что управление страной должно строиться на основе духовной связи самодержца с народом. О существовании подобной связи и необходимости всемерно укреплять ее свидетельствовало повсеместно выказываемое «с такой младенческой простотой» массами подданных желание увидеть цесаревича.

Все части предлагаемой современному читателю книги сопровождаются богатым иллюстративным материалом, который с документальной точностью явит представленную эпоху не только в словах ее главных действующих лиц, но в зримых образах.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Победоносцев — мощнейшая фигура в истории России. Для одних он был одним из столпов российской государственности, для других же... Сильная личность, острейший ум, эрудиция и аргументация, которой очень сложно что-либо противопоставить: такого противника невозможно не замечать — его оставалось только ненавидеть...

Но начнем... с некролога. Документ этот — суть печальный, однако же и показательный, как-никак, итог жизни. На смерть Константина Петровича, хотя он уже полтора года как не был у руля государства, писали много. Очень взвешенно и корректно отозвался «Исторический вестник»: «К его имени в течение с лишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед ним преклонялись и его благословляли: одни в нем видели ангела-спасителя России, другие — ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился».

Что да, то да — даже когда Победоносцев умер, о нем, игнорируя правило «о покойниках либо хорошо — либо ничего», писали разное. А уж при жизни... «Великий инквизитор», «русский Торквемада» «князь тьмы», «нелепая галлюцинация, дикий кошмар русской истории», «тиран и изверг», «государственный вампир» и даже «хорек, обучившийся диалектике» — это только малая часть эпитетов, которых в свое время удостоился обер-прокурор Священного Синода.

А еще говорили, что обер-прокурор «подморозил» Россию; он и сам незадолго до Первой русской революции якобы говорил Николаю II: «Я сознаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет».

В общем, получается законченный образ душителя свободы, при котором Россия превратилась в ледяную пустыню...

Но ведь, с другой стороны, была «эпоха Победоносцева», время, когда Константин Петрович играл ведущую роль в определении правительственной политики не только в религиозных вопросах, но и в области народного просвещения, в национальном вопросе, а также внешней политике — это царствование Александра III. И эти четырнадцать лет стали для России эпохой спокойствия между революционными вспышками, последняя из которых стала смертельной для династии, на «ледяной пустыне» началась эпоха промышленного подъема и финансовой стабилизации, решения многих социальных проблем, невероятного усиления Российской империи на мировой арене («Европа подождет, пока русский царь рыбачит» — эта знаменитая фраза как раз из тех лет). А это значит... А это значит, что мы не будем торопиться с выводами, а попытаемся, не используя шаблоны и не вдаваясь в крайности, ответить на вопрос: кто же он — Константин Петрович Победоносцев?..

* * *

Контекст времени и места рождения — фактор, без которого невозможен анализ поступков и мыслей личности, которой суждено было стать исторической. В судьбе Константина Победоносцева этот фактор не был определяющим, но, безусловно, имел значение. Итак, 1827 год, второй от начала царствования императора Николая I. 21 мая (2 июня) в многодетной семье (у главы семейства к тому моменту уже было десять детей от двух браков) профессора словесности и литературы Московского университета Петра Васильевича Победоносцева и его второй жены Елены Михайловны (урожденной Левашевой) появился еще один — как оказалось, последний ребенок: сын, которого назвали Константином.

О детских и юношеских годах К. П. Победоносцева известно крайне мало. Да и вообще — при всем обилии литературы, посвященной Победоносцеву, о его жизни вне власти, вне государственных дел и политики, современники и более поздние источники почти ничего не сообщают. Вот и мы, говоря о первых тридцати с лишним годах жизни будущего «вице-императора России», вынуждены ограничиться буквально несколькими строками.

В 1841 г. Константин поступил в Императорское училище правоведения — одно из самых престижных учебных заведений России, имевшее статус «перворазрядного». В 1846 г., после окончания училища, молодой юрист был зачислен на работу в московские департаменты Правительствующего Сената, где зарекомендовал себя как трудолюбивый, усидчивый, имевший склонность к научной работе сотрудник.

В 1859 г. К. П. Победоносцев защитил магистерскую диссертацию на тему «К реформе гражданского судопроизводства». И в том же году в издаваемом в Лондоне А. И. Герценом сборнике «Голоса из России» появился анонимный (впоследствии Константин Петрович не скрывал, что автором являлся именно он) памфлет на тогдашнего министра юстиции графа В. Н. Панина.

В критике Панина, который считался едва ли не самым главным противником проводимых и намечавшихся реформ в первые годы царствования Александра II, ничего особо удивительного нет. Панин непрофессионален и при этом реакционен до мозга костей, он давно утратил связь с российской действительностью, и вполне понятно, что это возмущает молодого юриста.

Поражает другое — Победоносцев, этот в недалеком будущем «оплот реакции во всей ее красе», выступает со вполне либеральных позиций. Он критикует не отдельно взятого министра юстиции — но все судопроизводство в России. Константин Петрович видит гласность главным лекарством, с помощью которого можно победить две главных беды судебной системы: непрофессионализм чиновников на местах и абсолютную безответственность высших должностных лиц государства.

Но что удивительнее всего — буквально через несколько лет все эти юношеские либеральные устремления были Победоносцевым совершенно забыты...

* * *

Метаморфозы убеждений — тема, безусловно, интересная, но к ней мы вернемся немного позже. А сейчас же, на основании пусть и отрывочных сведений, подведем некоторый итог и обрисуем контуры «стартовой площадки» Константина Петровича Победоносцева. Итак, ни он, ни его предки при Николае I значительных постов не занимали, имениями и душами не владели (то есть не «крепостник»). Да, дед был священником московской церкви Св. Великомученика Георгия, но вряд ли Константин можно было назвать «клерикалом». «Тихого, скромного нрава, благочестивый, с разносторонним образованием и тонким умом» — так характеризовали молодого Победоносцева коллеги. В общем, типичный московский интеллигент, которому вполне подходит профессорская карьера. Которую Константин Петрович успешно начал в 1860 г., когда его пригласили преподавать на кафедру гражданского права Московского университета.

Победоносцев быстро зарекомендовал себя как первоклассный юрист, благодаря чему в 1861 г. на него обратил внимание граф Сергей Григорьевич Строганов — государственный деятель и известный меценат, с 1860 г. назначенный главным воспитателем наследника престола Николая Александровича.

Жизнь и преждевременная смерть старшего и самого любимого сына Александра II — одна из величайших (подзабытая на фоне последовавших за ней) трагедий русской императорской фамилии. Второй (после сестры Александры) ребен-

нок цесаревича Александра и его супруги Марии Александровны появился на свет 8 (20) сентября 1843 г. Тихий воспитанный юноша, обладавший приятной внешностью и таким же, абсолютно лишенным высоковластной заносчивости, характером, Николай был всеобщим любимцем — и надеждой на то, что в будущем Россия обретет великого государя.

В 1855 г., после смерти Николая I и восхождения на престол Александра II, Николай Александрович стал наследником российского престола. Воспитание цесаревича — дело государственной важности, и неудивительно, что этим занимались лучшие умы страны. Учебная программа наследника была очень насыщена, но он великолепно с ней справлялся.

В 1860 г., во время маневров войск, цесаревич неудачно сошел с лошади. Тогда этому событию особого значения не придали — Николай хоть и почувствовал боль в спине, однако она быстро прошла. И только спустя несколько лет стало ясно, чем обернулось это падение для цесаревича...

«Обязательной программой» для великих князей, помимо учебы, были и путешествия. Первую большую поездку по России Николай Александрович совершил в 1861 г., вместе с С. Г. Строгановым, посетив Казань, Нижний Новгород и другие города на Волге и закончив поездку в Москве. Наследник путешествовал по России и в следующем году, а в 1863 г. его поездка по стране продолжалась четыре с половиной месяца.

Это было уже не просто знакомство с достопримечательностями. Наследник «входил в статус» — он должен был увидеть Россию такой, какая она есть, и потому, приезжая в тот или иной город, Николай Александрович встречался с его жителями, из всех без исключения сословий. В этом путешествии в свиту цесаревича входил и К. П. Победоносцев, описавший свои впечатления в книге «Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России от С.-Петербурга до Крыма».

После путешествий по России пришла очередь заграничных вояжей. Летом 1864 г. наследник посетил Германию, Нидерланды, а затем прибыл в Данию. Здесь, в Копенгагене, Николай Александрович должен был познакомиться с дочерью короля Христиана IX — Дагмарой. 8 сентября, в 21-й день рождения цесаревича, состоялась помолвка Николая Александровича и принцессы Дагмары.

«Жизнь бродяги», как он сам ее охарактеризовал, уже начала надоедать великому князю, он мечтал о возвращении на родину, женитьбе и семейном очаге, служении на благо Отечества. Однако программа путешествия еще не была закончена. В начале октября Николай Александрович прибыл в Венецию. И здесь боль от казавшихся невинными прострелов, которые время от времени его беспокоили, резко усилилась. Но врачи по-прежнему лечили цесаревича от невралгии. После переезда в декабре во Флоренцию ослабевший наследник уже с трудом мог распрямиться и большую часть времени был вынужден проводить в постели. В конце 1864 г. его перевезли в Ниццу, в надежде на более мягкий климат и знаменитых французских врачей — которые также не увидели ничего опасного для здоровья цесаревича.

Весной 1865 г. здоровье Николая Александровича ухудшилось до предела. В начале апреля в Ниццу прибыла императорская чета. И только в этот момент был поставлен верный — и не оставлявший шансов на выздоровление — диагноз: туберкулезный менингит. 11 апреля цесаревич, находившийся в полном сознании, причастился и начал прощаться с родными и приближенными. Его спокойное мужество восхищало присутствующих — и заставляло их плакать. Вечером началась агония, и в ночь на 12 (24) апреля 1865 г. наследник российского престола скончался. На фрегате «Александр Невский» его тело было перевезено в Санкт-Петербург и 28 апреля захоронено в Петропавловском соборе.

* * *

Константин Петрович Победоносцев непосредственного участия в этих трагических событиях не принимал, но за судьбой несчастного цесаревича следил внимательно и вместе со всеми очень переживал его безвременный уход в мир иной.

Его же биография по-прежнему не изобилует датами и соответствующими им событиями. Победоносцев уже замечен и становится влиятелен — но пока только в пределах юридических кругов. С начала 1860-х гг. он участвует в работе комиссий, занимавшихся подготовкой проектов документов для предстоящей судебной реформы.

В 1865 г. К. П. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции. Он уже не просто соприкасается с властью,

он сам становится ею и воочию убеждается — на пути большинства реформ, которые теоретически можно было бы провести в стране, стоит огромное препятствие — безграмотность подавляющего населения России и, как следствие, его вера не в здравый смысл и логику, а в традицию. Реформа для человека, который осознает ее суть, и неважно, согласен он с ее принципами или нет, — это одно. И совсем другое — ломка «народной веры», и здесь уже не имеет значения, чего это касается: системы судопроизводства или религиозной сферы. Человек безграмотный, непросвещенный, приходит ли он в суд или в церковь, и там и там вынужден «есть, что дают». Значит, любая реформа должна подкрепляться просвещением. Но не подорвет ли всеобщее просвещение фундамента государственности? Ведь, как считал Константин Петрович (тогда, в 1860-х, эти его мысли пока только оформлялись, а к концу столетия он сформулировал их на страницах своего «Московского сборника»), «одного только не вправе требовать, одного не отдадут — того, в чем каждая верующая душа в отдельности и все вместе полагают основание духовного бытия своего и связывают себя с вечностью. Есть такие глубины, до которых государственная власть не может и не должна касаться, чтобы не возмутить коренных источников верования в душе у всех и каждого».

Вопросы, вопросы... И, по сути, замкнутый круг, из которого Константин Петрович так и не смог найти выход...

Меж тем его дальнейшее продвижение по властной лестнице было мягким, без рывков, но очень уверенным: в 1868 г. он стал сенатором, через четыре года — членом Государственного совета, а в апреле 1880 г. Константин Петрович Победоносцев был назначен обер-прокурором Священного Синода Русской Православной Церкви.

За жестким для русского слуха термином, — «обер-прокурор» — видятся Петровские реформы. Действительно, эта должность была учреждена Петром I в 1722 г. «для ока государева и стряпчего о делах государственных в Синоде». Правда, поначалу обер-прокурор был фигурой малозначительной, но с 1740-х гг. его влияние постепенно усиливалось. В начале царствования Александра I обер-прокурор был поставлен в непосредственное отношение к императору; с тех пор доклады членов Синода государю прекратились — все сношения верховной власти и церкви отныне проходили через обер-прокурора.

В 1817 г., в ходе очередных преобразований, было создано так называемое «сугубое министерство» — под начало князя А. Н. Голицына были поставлены Министерство духовных дел и Министерство просвещения. Однако деятельность этого министерства вызвала такое сопротивление иерархов Церкви, что вскоре оно было упразднено. Обер-прокурору были приданы права министра по законодательным и исполнительным делам Церкви. Он руководил всеми учреждениями при Синоде; чиновники этих учреждений назначались и увольнялись или непосредственно по его приказам, или с его ведома. Органами обер-прокурорского надзора служили прокуроры синодальных контор, секретари духовных консисторий, члены-ревизоры духовно-учебного комитета, главный инспектор и епархиальные наблюдатели церковно-приходских училищ.

С июня 1865 г. обер-прокурором Священного Синода был граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889). По воспоминаниям современников, это был незаурядный, волевой, образованный человек — и при этом исповедовавший крайне правые взгляды. И потому-то назначение в апреле 1880 г. К. П. Победоносцева воспринималось как шаг на пути либерализации.

Одним из тех, кто был призван бороться с набиравшим силу революционным движением, стал Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825—1888). Герой Крымской и Русско-турецкой войн, Лорис-Меликов, в августе 1880 г. назначенный министром внутренних дел, полагал, что ответ террором на террор вызовет новую волну террора — и так без конца. И потому он считал, что бороться нужно не только и не столько со следствиями террора, но искать прежде всего причины недовольства.

В начале 1881 г. Лорис-Меликов представил на рассмотрение императора проект реформы, в положениях которой были прописаны зачатки представительских органов. Этот проект был одобрен Александром II. По сути дела, путь к появлению в России первого парламента и конституции был открыт...

После убийства царя 1 марта 1881 г. на М. Т. Лорис-Меликова обрушился град критики — он-де не обеспечил безопасность государя, что было его первой обязанностью как министра внутренних дел. Однако решимости сторонников реформ это не изменило. Александр III колебался, выбирая курс, которым должна дальше идти Россия. И шансы у реформаторов убедить нового

царя продолжить курс его отца были. Если бы на их пути не встал Победоносцев...

6 марта 1881 г., спустя пять дней после вступления Александра III на престол, К. П. Победоносцев писал ему: «Или теперь спасти Россию и Себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, — о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте... не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру...»

Победоносцев, безусловно, преувеличил «прегрешения» Лорис-Меликова. Но он не сомневался — и умел убеждать других. «Безумные злодеи, погубившие родителя вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют, — говорил он Александру III. — Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью... Новую политику надо заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь все разговоры о свободе печати, о своей волеи сходок, о представительском собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного».

8 марта состоялось заседание Государственного совета. Свидетели этого судьбоносного события вспоминали, что Победоносцев был бледен и взволнован как никогда — но как всегда логичен и убедителен. С первых слов своей речи он заявил об отчаянии (!), в которое повергают его разговоры о конституции, к созданию которой предполагается привлечь «знающих выборных людей от народа». «Но разве такие люди, — говорил Константин Петрович, — которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительно выразителями мнения народного? Я уверен, что нет. Они будут выражать только личные свои взгляды».

И Александр III... нет, не дрогнул. Он получил мощнейшее — и очень нужное ему — подтверждение того, что его взгляды на происходящее разделяются людьми, в которых он и хотел найти поддержку — прежде всего Победоносцевым. Пойти против воли покойного отца — это было совсем непросто, но раз именно это ему советует Победоносцев... Император прервал речь обер-прокурора и сказал: «Я думаю то же». Судьба реформ была решена...

* * *

Так что же случилось с Константином Петровичем Победоносцевым? Почему он, некогда либерал по взглядам и вполне прогрессивный юрист, вдруг превратился в «великого консерватора»? Возвращаясь к теме метаморфоз убеждений, причин такого превращения можно назвать несколько.

Во-первых, возраст — с течением лет чрезмерный нонконформизм и перманентная пассионарность уступают место более трезвому расчету. Исключения из этого правила бывают, но Константин Петрович Победоносцев к ним точно не относился.

Во-вторых, у многих как-то издревле завелась вера в то, что стоит только произнести волшебное слово «реформы», как все само собой образуется в лучшем виде. В первые годы царствования Александра Освободителя такие настроения едва ли не преобладали в обществе — по крайней мере, в высших и самых образованных его слоях, — и Победоносцев, так или иначе, подпал под их влияние. Меж тем эйфория быстро прошла и стало ясно, что реформа — суть есть не единоразовый акт, а растянутый во времени, трудный и подчас мучительный процесс. Так было и с «великими реформами» Александра II, прежде всего, с Крестьянской, которая, при всей своей необходимости, породила сонм проблем. Что могло вызвать у Константина Петровича, человека тонкого аналитического ума, вполне естественное неприятие каких-либо резких перемен.

И, в-третьих, Победоносцев, будучи одним из наставников великих князей, пока еще не вошел во власть, но непосредственно соприкоснулся с ней. Конечно, он отнюдь не потерял голову от общения с первыми лицами государства, но градус его либерализма это, скорее всего, сильно понизило.

В октябре 1880 г., еще при жизни Александра II, статус должности обер-прокурора Священного Синода был повышен до максимума — теперь она была приравнена к министерской. Однако формальный — пусть и высокий — статус не был определяющим. В конце концов, министров было много, а Победоносцев — один. Константин Петрович был учителем Александра III и, что самое главное, он был духовным (!) наставником царя.

Подчинить волю Александра III было невозможно. Что же касается государственных дел — царь был умным человеком, однако сложные

политические конструкции были ему чужды. Императору нравились простые рецепты, чтобы ответить на вопрос: почему в России после «великих реформ» так и не наступило благоденствие? И Победоносцев эти рецепты давал. В апреле 1881 г., во время заседания правительства, со стороны либерального крыла в очередной раз прозвучало мнение, что беды российские происходят от незавершенности реформ. На это Константин Петрович возразил: «Все беды нашего времени происходят от страсти к легкой наживе, от недобросовестности чиновников, от недостатка нравственности и веры в высших слоях общества, от пьянства в простом народе».

Главным орудием успокоения России «по Победоносцеву» (что, опять же, совпадало с мнением царя) было самодержавие, которое не позволит России расколоться на социальные, национальные или религиозные группы. 29 апреля 1881 г. появился Высочайший манифест, провозглашавший незыблемость самодержавия. Подписан он был Александром III, но его автором был Победоносцев. Это была декларация нового правления — и черта под реформами: «...посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный промысл, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Что же такое самодержавие для Победоносцева? Его легко представить «апостолом царизма», Константин Петрович, на первый взгляд, давал для этого много поводов. Но самодержавие — это исключительно «самореализация власти»? Или же у него есть иные цели? И что есть приверженность самодержавному пути — реакционность или все же попытка объединить общество вокруг консервативной идеи? Общество, которое не монолитно по целому ряду причин, прежде всего, из-за многонационального характера России? Константин Петрович рассуждал об этом так: «Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается лживость и непрактичность парламентского правления... Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, — и не одной только силой, но и уравнением прав и отношений под одной властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей — не госу-

дарственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти — и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению».

Парламентаризм и демократию Константин Петрович считал «великой ложью нашего времени». Но Победоносцев не был бы Победоносцевым, если бы делал это просто так, без логического обоснования. Его он дает в самом начале одноименной статьи (сборник статей «Великая ложь нашего времени» составил вторую часть нашего издания): «В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и проводит ее в действие. Это идеальное представление...

Такова теория. Но посмотрим на практику. В самых классических странах парламентаризма она не удовлетворяет ни одному из вышепоказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей... Министры в действительности самовластны; и скорее, они насилуют парламент, нежели парламент их насилует... В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра?»

И снова — с взглядами Победоносцева можно не соглашаться, но игнорировать его выводы и логику — невозможно...

* * *

Еще одна основа, без которой, по мнению Победоносцева, не может существовать государство, — Церковь и Вера. Тема «Победоносцев и религия» настолько всеобъемлюща и сложна, что охватить ее в небольшой статье просто невозможно. Четверть века этот человек был «министром православия», и если во власти вообще он все-таки был силен, но не всесилен, то в своей непосредственной епархии — делах, относящихся к духовной и образовательной сферах, — он был абсолютен и непререкаем. «Духовный цензор России» — вот это как раз и не преувеличение: обер-прокурор Священного Синода ничего не пускал на самотек, ни на секунду не выпускал бразды правления Церковью, лично следил за ре-

пертуаром театров и выставок, работой библиотек и народных читален, просматривал огромное количество газет и книг. Он надзирал — поскольку считал, что только он знает, что полезно, а что вредно для России и ее народа.

Очень непросто складывались отношения Константина Петровича с иерархами Православной Церкви. Об этом рассуждал православный священник и религиозный мыслитель Павел Флоровский: «Богословия Победоносцев решительно не любил и боялся, и об “искании истины” отзывался всегда с недоброй и презрительной усмешкой. Духовной жизни не понимал, но пугался ее просторов. Отсюда вся двойственность его церковной политики. Он ценил сельское духовенство, немудреных пастырей наивного стада, и не любил действительных вождей. Он боялся их дерзновения и свободы, боялся и не признавал пророческого духа... Победоносцев не хотел общественной и культурной влияния иерархии и клира, и властно следил за выбором епископов, не только по политическим мотивам, не только ради охраны правительственного суверенитета».

Причиной таких воззрений К. П. Победоносцева во многом стали его нигилистические по сути взгляды на природу человека и, как следствие, неверие и отрицание прогресса. «Мы живем в век трансформации всякого рода: в устройстве администрации и общественного управления, — писал Победоносцев. — И до сих пор последующее оказывалось едва ли не плоше предыдущего... У меня больше веры в улучшение людей, нежели учреждений».

В этом и есть суть кажущихся иногда странными и нелогичными убеждений и политики Победоносцева — как в отношении Церкви, так и государства и общества вообще. Пока нужно все «подморозить», сохранить статус-кво, не допускать тлетворного влияния на традиции и дух. Ведь Россия, как однажды сказал Победоносцев в беседе с Д. С. Мережковским, представляет собой «ледяную пустыню, по которой бродит лихой человек». Константин Петрович абсолютно не верил в мир, в человека, по крайней мере того, который есть здесь и сейчас, — в этом и заключался его нигилизм. Победоносцев был мягок и добр с ближними, с людьми его круга и интеллектуального уровня, этот «великий инквизитор», говорят, побаивался свою жену (с Еленой Александровной Энгельгардт, дочерью могилевского помещика штабс-ротмистра А. А. Энгельгардта, Победоносцев сочетался браком в январе

1866 г.). Но вот «дальнее», по выражению Николая Бердяева, человечество он не любил, он искренне верил в Бога, но веру свою перенести на мир и человека не мог.

Однако же что дальше? Победоносцев ведь все-таки верил в «улучшение людей». Лихие люди вымрут, Россия, которой будет обеспечено «подмороженное спокойствие», сначала превратится в мощную и развитую в экономическом плане державу, а жить в ней будут воспитанные по его, Константина Победоносцева, рецептам новые люди. Возможно, эту цель и преследовала громадная по своим масштабам реформа церковно-приходского образования, затеянная обер-прокурором Священного Синода. В количественном отношении в России было много высокообразованных людей, однако в процентном — темнота: подавляющая часть населения была абсолютно безграмотна. К концу царствования Александра II в стране было 273 церковно-приходских школы, в которых училось немногим более 13 тысяч человек. А к концу 1902 года эти цифры составили, соответственно, 43 696 школ и почти 1,8 миллиона учеников.

* * *

«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель». Слова эти произносил Николай II 17 января 1895 г. на встрече с депутациями дворянства, земств и городов. Но стоял за ними не он — Победоносцев.

Вступление на престол нового, молодого императора внушало обществу надежду на реформы. Но обер-прокурор Священного Синода никуда не делся и сумел и при Николае II сохранить статус-кво — он, Константин Петрович Победоносцев, по-прежнему «вице-император» России, и он не допустит «тлетворных перемен».

Однако Победоносцев все-таки слабел. И дело не только в том, что он старел — да, здоровье все чаще подводило, но острота ума и мысли у него по-прежнему была феноменальная. Дело было в другом — общество менялось и больше не хотело жить по «законам Победоносцева». Был ли

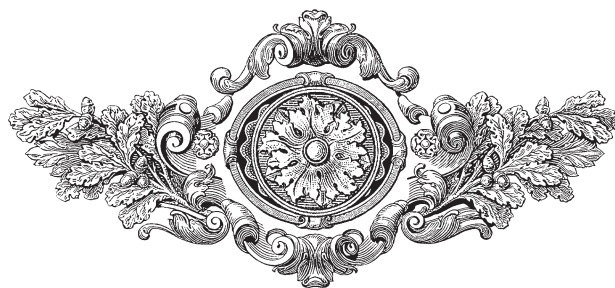
этот процесс правильным или нет — вопрос спорный. Но он был закономерным и необратимым.

17 (30) октября 1905 г. был опубликован Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (Октябрьский манифест). Страна была охвачена колоссальной по масштабам забастовкой — в ней принимало участие более 2 млн человек, и власть была вынуждена пойти на уступки. Парламентаризм, представительство, свобода слова, расширение веротерпимости — все эти понятия были чужды Победоносцеву, и он решил уйти. Константин Петрович был уволен с поста обер-прокурора Священного Синода и выведен из состава Кабинета министров, за ним было оставлено только место в Государственном совете. Через полтора года, утром 10 (23) марта 1907 г., Константин Петрович тихо скончался в своем доме в Санкт-Петербурге. Спустя три дня, так же тихо, он был похоронен у алтаря церкви Свято-Вла-

димирской церковно-учительской школы в Петербурге (ныне двор больницы скорой помощи № 21 им. И. Г. Коняшина, по адресу Московский проспект, 104).

* * *

Через десять лет после того, как Победоносцев покинул этот мир, в России случилось то, чего он так опасался. Страна и общество были разогреты до предела, энтропия распада превысила все допустимые значения. Наверняка многие из тех, кто в свое время считал обер-прокурора «реакционным исчадием ада», вспомнили о нем — Победоносцев смог бы найти спасение от «лихих людей». Но он уже не мог никому помочь — ни этим людям, ни династии, ни несчастной России, которая стремительно и безнадежно погружалась в хаос. Хаос, который он так стремился предотвратить...

МОСКОВСКИЙ СБОРНИК

Статьи

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

I

Знаменательное явление нашего времени — борьба церковных начал с государственными. Когда начинается борьба из-за начал духовно-религиозных, невозможно рассчитать, какими пределами она ограничится и какие элементы вовлечет в себя; до чего дойдет и где уляжется море страстей, взволнованное спором за убеждения и верования. В вопросах верования народной государственной власти необходимо заявлять свои требования и устанавливать свои правила особливую осторожностью, чтобы не коснуться таких ощущений и духовных потребностей, к которым не допускает прикасаться самосознание массы народной.

Как бы ни была громадна власть государственная, она утверждается не на ином чем, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого, на вере основанного, сознания. Народ, в единении с государством, много может понести тягостей, много может уступить и отдать государственной власти. Одного только государственная власть не вправе требовать, одного не отдадут — того, в чем каждая верующая душа в отдельности, и все вместе, полагают основание духовного бытия своего и связывают себя с вечностью. Есть такие глубины, до которых государственная власть не может и не должна касаться, чтобы не возмутить коренных источников верования в душе у всех и каждого.

Главным источником возникших и грозящих еще усилиться недоразумений между народом и правительствами служит искусственно создаваемая теория отношений между государством и Церковью. В историческом ходе событий на западе Европы, неразрывно связанных с развитием римско-католической церкви, сложилось и вошло в систему государственного устройства понятие о Церкви как об учреждении духовно-политическом, с властью, которая, вступив в противоположение с государством, предприняла с ним борьбу политическую; событиями этой борьбы занято все поле истории на западе Европы. Из-за этого политического значения Церкви отошло на задний план и померкло в сознании государственном простое, истинное, природное понятие о Церкви как о собрании христиан, органически связанных единством верования в союз богоучреждений. Это понятие таится, однако, в глубине народного сознания, соответствуя самой коренной и глубочайшей потребности души человеческой — потребности верования и единения в вере.

В этом смысле Церковь, как общество верующих, не отделяет и не может отделять себя от государства, как общества, соединенного в гражданский союз. До какого бы совершенства ни достигло в уме логическое построение отношений,

на разделении основанных, между государством и Церковью, им не удовлетворится простое сознание в массе верующего народа. Удовлетворен может быть ум политический, как наилучшею формою сделки, как совершеннейшею философскою конструкцией понятий; но в глубине духа, ощущающего живую потребность веры и единства веры с жизнью, это искусственное построение не отзывается истиною.

Жизнь духовная ищет и требует выше всего единства духовного и в нем полагает идеал бытия своего; а когда душе показывают этот идеал в раздвоении, она не принимает такого идеала и отвращается. Верование, — по свойству своему безусловное, не терпит ничего условного в своей идеальной конструкции. Правда, что в действительности жизнь всех и каждого есть непрерывная история падения и раздвоения — печального раздвоения между идеей и делом, между верой и жизнью; но в этой непрерывной борьбе дух человеческий держится в равновесии не иным чем, как верою в идеальное, конечное единство, и дорожит такою верою, как первым и исконным сокровищем бытия своего. Приведите человека в сознание этого раздвоения: он никнет и смиряется мыслью. Покажите ему конец раздвоения, к которому стремится дух — он поднимает голову, сознает себя живущим и стремится вперед с верою. Но когда вы скажете ему, что жизнь сама по себе, а вера сама по себе, и это понятие станете возводить в теорию жизни, — душа не принимает такого понятия, с тем же отвращением, с каким встречает мысль о конечном и решительном уничтожении бытия.

Возражат, может быть, что здесь дело идет о личном веровании. Но личное верование не отделяет себя от верования церковного, так как существенная его потребность есть единение в вере, и этой потребности оно находит удовлетворение в Церкви.

В Западной Европе издавна продолжается борьба Церкви с государством и государства с Церковью. Последнее слово этой борьбы еще не сказано — и каково будет оно, еще неизвестно. Та и другая сторона меряет свои силы и кликает свои дружины. Государство опирается на силы интеллигенции. Церковь опирается на верование народной массы и на сознание авторитета духовного. Нет сомнения, что в конечном результате победа будет на той стороне, на которой окажется действительное объединение глубокого, жизненного верования. Государственной интеллигенции предстоит во всяком случае трудная

задача — привлечь на свою сторону и соединить с собою твердо — народное верование. Но для того, чтобы привлечь верование и слиться с ним, нужно показать в себе живую веру; одной интеллигенции для этого недостаточно. *Si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi*¹.

Народное верование чутко, и едва ли можно обольстить его видом верования или увлечь в сделку верований: живая вера не допускает сделки, не признает абсолютного господства рассудочной логики. Хотя к верованию обыкновенно применяется понятие об убеждениях, но убеждение рассудка нельзя смешать с убеждением веры, и сила умственная, сила интеллигенции и мышления, весьма ошибается, если полагает в себе самой все нужное для силы духовной, независимо от верования, составляющего самую сущность духовной силы.

В этом смешении понятий кроется для государства великая опасность в борьбе с Церковью. Когда, в эпоху Реформации, государственная власть в Германии становилась во главе движения против старой церковной власти и выработывала новую организацию Церкви, — она обладала действительною духовною силою верования. Движение, к которому присоединилась она, возникло в массе народной, проникнутое глубоким, сосредоточенным верованием: первые вожаки его, представляя в себе высшую интеллигенцию тогдашнего общества, в то же время горели огнем веры глубокой, объединявшей их с народом. Итак, в этом движении сосредоточилась громадная духовная сила, которой должна была уступить, после долголетней борьбы, веками утвердившаяся сила старого закона.

Ныне совсем другие обстоятельства. Со стороны государства произошло разъединение между верованием народным и политической конструкцией церковного отправления, в государственном сознании. С другой стороны, со стороны интеллигенции, разъединение еще более разительное между верованием и научной конструкцией верования. Богословская наука, не ограничиваясь первоначальной своей задачей — привести в сознание и обнять общим взглядом церковные верования, грозит уже поглотить в себе всякое верование, подчинив его беспощадному критическому анализу разума, как факт, как внешний предмет исследования.

¹ Если хочешь, чтобы я плакал, ты должен прежде всего сам испытывать боль (*лат.*).

Фотография части Сенатской площади со зданиями Сената и Святейшего Синода.

Фото конца 1890-х гг.

Политическая наука построила строго выработанное учение о решительном отделении Церкви и государства, учение, вследствие которого, по закону, не допускающему двойственного разделения центральных сил, Церковь непременно оказывается на деле учреждением, подчиненным государству. Вместе с тем государство, как учреждение, в политической идее своей является отрешенным от всякого верования и равнодушным к верованию. Естественно, что с этой точки зрения Церковь представляется не иным чем, как учреждением, удовлетворяющим одной из признанных государством потребностей населения — потребности религиозной, и новейшее государство обращается к ней с правом своей авторизации, своего надзора и контроля, не заботясь о веровании.

Для государства, как для верховного учреждения политического, такая теория привлекательна, потому что обещает ему полную автономию, решительное устранение всякого, даже духовного, противодействия и упрощение всех операций

церковной его политики. Но такие обещания обманчивы. Этой теории, сочиненной в кабинете министра и ученого, народное верование не примет. Во всем, что относится до верования, сознание народное успокоивается только на простом и цельном представлении, объемлющем душу, и отвращается от искусственно составленных понятий, когда чует в них ложь или разлад с истиною.

Так, например, политическая теория может удобно мириться с оставлением в должности и на церковной кафедре пастора, или профессора на богословской кафедре, который (явление, к несчастью, ставшее уже обычным в Германии) публично объявил, что не верует в Божество Спасителя; но совесть народная никогда не поймет такой конструкции понятия о церковном пастыре и с отвращением назовет ее ложью. Печально и ненадежно будет положение государственной власти, когда ее расположение и действие по предметам, относящимся до веры — совесть народная привыкнет ставить в ложь и причитать к безверию.

II

Об отделении Церкви от государства красноречиво рассуждает бывший патер Гиацинт, читавший по этому предмету публичные лекции в Женеве весной 1873 года. Война на смерть с Церковью — это мечта революционной партии, — по крайней мере тех крайних ее представителей, которые в политике ставят себя якобинцами, а в области религиозных идей распространяют безбожие и материализм. Им служат орудием — софизм и насилие. Все уже потеряли к ним доверие повсюду; они слепы и не в силах вести борьбу, потому что все смешивают в своем противнике, ничего не различая, и преувеличивают без меры его значение.

Французская революция поставила себе целью обновить общество; но обновить его можно было только применением к гражданскому обществу христианских начал. Возникла борьба между революцией и римской теократией, причем революция смешала римскую теократию с католической церковью, со вселенством, которое объемлет всех верующих христиан, смешала с Евангелием и лицом Христа Спасителя. Итак, война объявлена была не столько Риму, сколько царству Христову на земле. В христианстве эти люди стали преследовать самое религиозное чувство, которое слилось уже в течение 2000 лет нераздельно с христианством. Вот какого противника вызвали они на бой, вооружившись на него двойным — низким, опозоренным оружием: секирою палача и живым словом софиста.

Католическая религия во Франции была не в доброй славе, благодаря аббатам-вольнодумцам, наполнявшим дворцовые приемные, благодаря известной легкости нравов тогдашнего общества. Вдруг ее будят, поднимают, влекут в темницы. Во имя ее всходят на эшафот священники, девы, поселяне, вместе со знатными дворянами, с поэтами, с государственными людьми — как было в эпоху первых цезарей. На ризах ее видна была кровь от Варфоломеевской ночи, видны были следы родительских и сиротских слез, после отмены Нантского эдикта; все эти следы вдруг сгладились; ничего стало не видно за собственною ее кровью, за следами собственных ее слез. Вот почему, когда она после того встала, то встала в полном сиянии славы, без всяких пятен. Это сияние приготовили для нее палачи ее.

Точно так же действовали и софисты-философы. Они стали раскапывать вопросы, которые

новейшая наука объявляет недоступными для решения; стали доискиваться в таинстве смерти, и увидели в нем одну мечту и выдумку; стали углубляться в происхождение человечества, и у колыбели его признали, вместо библейского Адама, из земли созданного, какое-то неведомое существо, медленно выделяющееся из животной жизни, вырождающееся сперва в обезьяну, потом в человека. И вот, поставивши этого человека и у начала его, и у исхода, в сплошную среду животной жизни, унизив его до пределов гниения, они стали приветствовать его величие: «Как ты велик, человек, в атеизме и в материализме, и в свободе самочинной, ничему не покоряющейся нравственности!» Но посреди всего этого странного величия человек этот оказался подавлен грустью. Он утратил Бога, но сохранил потребность религии. Так ощутительна эта потребность, что возможна, мы видим, религия даже без Бога; таков буддизм — религия, одушевляющая миллионы последователей.

И в самом деле, хотя бы и правда было, — что первый человек выродился из среды животной, — что мне в том? К книге Бытия указана еще грубее материя, из которой создан человек — грязь и прах, персть земная. Какая бы ни была то материя, — разве в ней, разве в оболочке — весь человек? Он приял от Создателя своего — живую душу, то дыхание жизни религиозной и нравственной, от которого не может, когда бы и хотел, отделаться. Вот что не допустит его никогда отречься от христианской религии.

Проповедуется отделение Церкви от государства. Тут одни слова, но нет единой идеи, потому что под одним словом отделения разуместь можно многое. Пусть определяют сначала, в чем оно заключается. Если дело состоит в более точном разграничении гражданского общества с обществом религиозным, церковным, духовного со светским, о прямом и искреннем размежевании, без хитростей и без насилия, — в таком случае все будут стоять за такое отделение. Если, становясь на практическую почву, хотят, чтобы государство отказалось от права поставлять пастырей Церкви и от обязанности содержать их, — это будет идеальное состояние, к которому желательно перейти, которое нужно готовить к осуществлению при благоприятных обстоятельствах и в законной форме. Когда вопрос этот созреет, государство, если захочет так решить его, обязано возвратить кому следует право выбора пастырей и епископов; в таком случае нельзя уже будет отдавать папе то, что принадлежит клиру